

УДК 811.112.2'28

DOI: 10.17223/19986645/40/3

Л.И. Москалюк

ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ В ШВАНКАХ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

В статье анализируются языковые особенности шванка российских немцев, который остается до настоящего времени одной из форм сохранения их родного немецкого языка и культуры. Шванк представляет собой яркий пример литературы российских немцев, зафиксированной на диалекте. Его характерной чертой является отнесенность к «народному» рассказу со всеми его стилистическими и структурными особенностями. Шванк отражает типичные разговорные и диалектные особенности языка российских немцев на всех языковых уровнях, фонетическом, грамматическом и лексическом.

Ключевые слова: российские немцы, шванк, разговорная речь, островные немецкие говоры.

1. Шванк как фольклорный жанр

Немецкое слово *swank* обозначало в Средневековье «размашистое движение, размах», «удар, бросок», отсюда возникло новое значение «выхodka, проделка, шутка или рассказ о таковой» [1. С. 220]. В XVI в. это слово распространилось в качестве названия «народной шуточной истории» [2. С. 150].

В соответствии с классификацией долитературных форм произведений А. Жоле относит шванк к простым формам, противопоставляя их формам художественным [3. С. 206]. Немецкие исследователи понимают под шванком комическую историю в народном стиле в стихах или прозе, грубовато-дерзкого содержания, часто переходящего в непристойное, скабрзное. Шванк имеет небольшой объем, он может содержать какое-либо поучение [4. С. 2–3].

Для К. Ранке шванк – это не только один из видов простой формы народного рассказа комического содержания со своими особыми структурными элементами, но и прежде всего форма выражения «...определенного психоментального поведения народа и соответствующей ему творческой силы» [5. С. 7]. Он приходит к выводу, что шванк является одной из основных фольклорных форм, отражающей полемику человека «с миром в нем и вокруг него» [5. С. 8]. Функция шванка состоит в том, чтобы донести до нас мысль «о силе духовной свободы, которая в смехе возвышается над всем человеческим» [6. С. 139].

Комизм в шванке ориентирован на реальность и имеющиеся в ней несоответствия. Недостатки общества и слабости отдельных людей разоблачаются при помощи комического эффекта. Смешным является, прежде всего, противоречие между кажущимся и существующим, которое неожиданным образом проявляется в действиях и поступках людей или в определенных событиях, ситуациях или ценностных ориентирах [7. С. 51–52].

2. Немецкий шванк в России

Жанр шванка воспринимается сегодня в Германии как исторический. Попав на новую почву, в России шванк начал бурно развиваться. О распространности шванков в народной среде свидетельствуют записи начала XX в., сделанные Эммой и Георгом Дингесами. В более позднее время, начиная с 60-х гг. XX в., к этому жанру обращаются российско-немецкие писатели, выходцы из села (Fr. Bolger, D. Busch, Kl. Eck, E. Günther, G. Haffner, W. Hartwig, W. Herdt, J. Kunz, H. Klein, A. Jordan, E. Jost, Fr. Krüger, W. Lochmann, L. Marx, Kl. Obert, A. Saks, E. Spuling и др.).

В России шванк сохраняет основные типологические черты немецкого шванка, бытовавшего на территории Германии, но одновременно приобретает некоторые особенности. Устный прозаический шуточный рассказ, переданный в форме личного воспоминания или рассказа определенного лица, характеризуется традиционным набором сюжетов (высмеивание различных отрицательных качеств человека, которые проявляются в бытовых ситуациях), установкой на достоверность (значение подлинного факта как для рассказчика, так и для слушателя), комическим исходом сюжета, часто содержащим поучение, небольшим объемом. Так как родной язык немцев в России сохранялся прежде всего в сельской местности, где компактно проживало немецкоязычное население, то предметом изображения часто становятся взаимоотношения крестьян и сельского старосты, священника и прихожан, но в шванке российских немцев отсутствуют сюжеты, связанные с изменой супругов, типичные для шванка на территории Германии. Позже тематическую сферу шванка российских немцев определили их жизнь в колхозе и совхозе, отношение к труду, отношение к власти, отношения колхозников и правления, противопоставление сельских жителей и горожан. Все действие шванка представлено через призму восприятия окружающей действительности деревенским жителем или жительницей, являющихся рассказчиками. Для российско-немецкого шванка характерно «перевоспитание» отрицательного героя, это отражается в высказываниях рассказчика в конце текста:

... S hot gholfä. Ich hun jetz immr mei schee truckl Handtuch.

... Von dere Zeit ou trinkt dr Philipp kaa Schnaps mehr.

... Von delemol war s aus bei dene mit ihrer Sauferei.

... vun dem Tag an war s aus mit m Jasch seiner Prahlerei.

Mei Marie saat immer, ich soll mich mit fremde Weibslait net behänge ... Däs war mr dermol n Urok [8].

Короткие комические рассказы отражают народный, национальный взгляд на правила поведения человека в обществе, подвергая критике такие качества, как лень, обжорство, пьянство, скупость, глупость и др. Становясь предметом иронии, человеческие пороки осуждались и таким образом определялись правила повседневного поведения в конкретных бытовых ситуациях.

Комично, прежде всего, содержание шванка. Но наряду с комизмом ситуаций и характеров значительную роль играют и языковые средства, вызывающие смех: оговорки (напр., *Kredit u Dekret*), несоответствие формы и содержания (напр., уважительное обращение к герою, который высмеивается).

3. Ориентация на литературный язык и устную разговорную речь в шванке российских немцев

Основой шванков российско-немецких писателей оставалась и продолжает оставаться устная языковая традиция. Писатели перерабатывают то, что вышло из народных уст, стремятся передать в шванках народную речь. Поэтому в шванке можно наблюдать переход от литературного немецкого языка российских немцев [9; 10. С. 127] к диалекту и наоборот, например в шванке Э. Гюнтера «Die Lösung des Problems»:

литературный язык в речи рассказчика: *Vergangenem Freitagabend ließ der Chef des Dienstleistungsartels „Fischnetzflickerfilzstiefelwalkerbesenbinderei“ Samson Samsonytsh Sauerwienmacher alle seine Stellvertreter und Gehilfen dringend ins Kontor bitten...;*

диалект в речи персонажа: *Gwiss doch, Son Sontsch! Wu soll ich anrsch gwese sei?* [11. С. 80].

В научной литературе постоянно подчеркивается, что в структурном отношении между письменным и устным высказыванием нет четкой границы, а есть постепенные переходы. Так, П. Кох и В. Эстеррайхер связывают «устное» и «письменное» применительно к коммуникативной ситуации с понятиями «близости» и «дистанции» [12. С. 8], указывая на то, что между полярными точками «близости» и «дистанции» имеются переходы, которые отражаются в языковой форме высказывания. Разговорный и письменный язык в большой степени противопоставляются по таким характеристикам, как вариативность и нормированность.

Для речи рассказчика часто характерен нормированный литературный язык. В то же время речь действующих лиц шванка в большой степени вариативна и диалектально окрашена. Доверительные отношения между рассказчиком и слушателем дают возможность и рассказчику также говорить непринужденно и эмоционально. Часто он симулирует спонтанность речи.

Большинство авторов опубликованных шванков или их предки родились и проживали в Поволжье. Они свободно владеют поволжскими немецкими говорами, на которых говорят персонажи их шванков. Типичные черты этих говоров можно проследить на примере анализа текста шванка Э. Гюнтера «Jetzt geht's Uhrje richtig» [11. С. 128–131]¹.

3.1. Фонетические маркеры немецких говоров Поволжья в шванках российских немцев

Там, где в шванках передается диалектная речь, она изобилует фонетическими явлениями, характерными и для разговорной речи. Основными фонетическими маркерами разговорной речи являются прежде всего ассимиляция, редукция, элизия и оговорки.

Так, в шванке Э. Гюнтера «Jetzt geht's Uhrje richtig», в котором рассказчик и его жена в качестве действующих персонажей говорят на диалекте, присутствуют не только диалектные, но и многие фонетические признаки разговорной речи:

¹ Текст шванка приводится в конце статьи. Для удобства анализа абзацы текста шванка пронумерованы.

полная регрессивная ассимиляция /nm/ > /m/, напр.: *in seim Lewe* < *in seinm Lewe* (25)¹,

полная прогрессивная ассимиляция /nd/ и /nt/ > /n/, напр.: *Stun* < *Stund* (7), *hinn'r* < *hintr ihr* (20), *unnr* < *untr* (27),

а также /lt/ и /ld/ > /l/, /rd/ > /r/, напр.: *Schulr* < *Schulter* (14), *aushalle* < *aushalte* (14), *were* < *werde* (21),

частичная прогрессивная ассимиляция /rs/ > /rsch/, напр.: *die Ferschte* < *die Ferste* (19), *mrsch* (11), *erschtns*, *werschte* (12);

апокопа неударного /ə/ в конце слова, напр.: *Katz* (1), *die ganz Nacht* (2, 13), *ich brauch* (19);

синкопа /ə/ в неударных слогах, напр.: *dr Nachtwächtr* (24);

отпадение /t/ после фрикативного согласного, напр.: *is* (19), *jetz* (15);

отпадение /n/ в окончании /-ən/ > /ə/, напр.: *angfange* (2), *ferchte* (19), *die Knoche* (24);

ослабление энклитических гласных /u/ и /i/ > /ə/ в формах глаголов 2-го и 3-го лица единственного числа настоящего времени индикатива, напр.: *bleibste* < *bleibst du* (12), *weckste* < *weckst du* (12), *werschte* < *wirst du* (12), *hotse* < *hat sie* (30);

оговорки в форме ошибочных добавлений звуков, напр.: /d/ в *morchends* (12); /ə/ в *viere* (27).

В языке действующих лиц шванка Э. Гюнтера отражаются типичные фонетические признаки немецких говоров Поволжья [13. С. 189–191]. К ним относятся:

непередвинутый герм. /p/ в начале, в конце слова после согласного, в середине слова в удвоении, напр.: *peif* (6), *Krautkopp* (4), *gschluppt* (19);

спирант /j/ или /γ/ вместо взрывного согласного /g/ между гласными, а также после /r/ и /l/.

Палатальный вариант /j/ появляется после гласных переднего ряда, а также после /r/ и /l/, напр.: *leje* (12), *geche* (18), и переходит в /ç/ в конце слова, напр.: *zimlich* /ç/ (1), *unnrweechs* /ç/ (8). Гуттуральный вариант /γ/, который произносится после гласных заднего и среднего ряда и переходит в /x/ в конце слова, остается в шванках немаркированным, как, например, в *btrouge* (24), *Saitroug* (28) или передается сочетанием *ch*, напр.: *Mittaach* (4), *Aache* (13), *gfroucht* (26). На письме передается исчезновение этого звука перед /t/: *saat* (1);

вместо смычного согласного /b/ соответствующий спирант /v/ между гласными и после плавных, напр.: *rumtreiwe* (1), *Lewe* (25);

звонкие согласные вместо глухих в середине слова между гласными, так /v/ вместо /f/, напр.: *glowe* (7), *vourleiwich* (11);

делабиализованные /i/, /e/, /ei/ вместо лабиализованных передних гласных /ü/, /ö/ и /eu/, напр.: *finf* (16), *zurick* (24), *zwelf* (14), *scheen* (18), *vourleiwich* (11), хотя в речи рассказчика по нормам литературного языка остаются лабиализованные гласные: *plötzlich* (20), *ghört* (32);

¹ В скобках указаны номера соответствующих абзацев анализируемого текста шванка, приведенного в конце статьи.

дифтонг /ou/, развившийся из средневерхненемецких монофтонгов /a/ и /o/, напр.: *vour* (19), *vrshloulfe* (15), *paarmoul* (15), *gefroucht* (26);

долгий монофтонг /a:/, развившийся из средневерхненемецких дифтонгов /ei/ и /ou/, напр.: *drhaam* (9), *zwaam* (5), *waafst* (10), *aamol* (12), *aach* (30), *Aache* (13), *Fraa* (19);

сохранение средненемецкого долгого /u:/ в *uf* (6), (15);

упрощение удвоенных согласных, которые возникают в результате выпадения неударного /ə/: *gange* (11) < *ggange*, *vrspät* (16) < *vrspätt*, *achtgewe* (18) < *achtggewe*. В речи рассказчика они реализуются как удвоенные: *angguckt* (33), *rausgkrawlt* (29) или используются литературные формы без синкопы: *bietet* (11).

Таким образом, графические особенности передачи разговорной речи в шванках российских немцев отражают фонетические признаки, позволяющие выявить общие черты немецких диалектов Поволжья, образовавшихся в результате длительного смешения. Для них характерны прежде всего сохранившиеся наиболее общие признаки западносредненемецких диалектов с гессенской основой [14. S. 72–78].

3.2. Грамматические маркеры говора

В морфологическом и синтаксическом отношении говоры поволжских немцев отличаются большим, чем в фонетическом, единообразием [15. С. 188–199]. Характерной их особенностью является ограничение употребления претерита (простого прошедшего времени). Претерит образует небольшая группа полнозначных глаголов (*koum*, *gung*, *saat*, *wußt*, *braucht*), модальные глаголы, глаголы-связки и вспомогательные глаголы.

Употребление претерита крайне ограничено и в тексте шванка Э. Гюнтера. Лишь один полнозначный глагол используется в форме претерита: *saat* (16), (23). В шванке встречаются претеритальные формы модальных глаголов ((*musst* (18, 30), *konnt* (14, 24), *wollt* (30) и *braucht* (1) в модальном значении), связок и вспомогательных глаголов ((*war* (1, 13, 14, 15, 25), *hatt* (16, 17, 18)).

Поэтому в качестве основной временной формы повествования при передаче событий в прошедшем времени используется перфект:

Daß's bei uns grad wie zwische Hund un Katz gange is, därf mr net bhauptе, aach s Kumradschaftsgricht braucht sich mit uns net rumtreiwe. Awr manchmoul war däs, ufrichtig gsaat, doch zimlich bunt.

К общим диалектным чертам говоров Поволжья, которые отражаются и в анализируемом тексте, относятся также:

устранение преломления корневого гласного во 2-м и 3-м л. ед.ч. презенса индикатива, во 2-м л. ед.ч. императива: *werd* (15), *nemm* (12), *les* (12);

диалектные формы вспомогательных глаголов *hun* (1-е л.ед.ч.) und *sin* (1-е л.ед.ч.), напр.: *hun ich gmerkt* (20), *hun ich gdenkt* (15), ... *ich weggange sin* (28). Литературная форма *bin*: *bin hiegeschliche* (15) появляется в шванке только в речи рассказчика;

использование конструкции *tun* в претерите конъюнктива + инфинитив полнозначного глагола, вытеснившей синтетическую форму претерита конъюнктива полнозначных глаголов (кроме глагола *sein* и модальных глаголов, сохранивших формы претерита конъюнктива), напр.: *täte hänge* (9);

«спряжение» союзов, присоединение глагольного окончания к подчинительному союзу: *Stell dich net dummr wieste bist* (10). Эти формы развились из соединения глагольного окончания *-st* и местоимения-подлежащего *du* в положении после союза, *-ste* вместо *de < du*. Энклитическое местоимение превратилось в личное окончание союза, согласующееся с глагольной формой;

притяжательный датив, используемый вместо вышедшего из употребления в немецких диалектах генитива: *mitzamst dem seinr Uhr* (6);

использование формы номинатива вместо аккузатива у существительных мужского рода, признак, который В.М. Жирмунский называет «рейнский аккузатив» («rheinischer Accusativ») [16. С. 430], напр.:

Wie ich dem alte Mann vrzählt hun, ich wär uf dr Basar («Markt») komme (25), но также ... *komme hie uf den Basar...* (24);

употребление вместо неопределенно-личного местоимения *man* местоимения *mr* 'wir', глагол при этом стоит в предложении в форме 3-го л. ед.ч., напр.: *darf mr* (1);

использование краткой формы прилагательного в функции определения, напр.: *die ganz heilich Nacht* (2), *dei eign Uhr* (6), *die warm Deck* (27). При этом следует отметить, что тексты шванков по сравнению с исследованиями устной диалектной речи [17. С. 67] в меньшей степени отражают разрушение системы форм прилагательного.

Для синтаксиса шванков характерна его разговорная направленность. Это находит отражение в шванке Э. Гюнтера:

в частом использовании эллипсов в прямой речи, способствующих экономии языковых средств:

Wuher [kommt die Annahme] die ganze Nacht? S is doch nouch Ouwend (3).

Du host drhaam dei eign Uhr, die fremde [Uhren] gehe dich nix an! (6).

De Idiot hot die Uhr um a Stunnr viere vourgrickt, [dann hat er] mich scharf fortgschustrt, selbst [ist er] unnr die warm Deck un [hat] gschnorcht wiern Iltis (27);

в плеоназмах:

...dort hängtse, die Uhr! (4); *Wu istr, de Erzschuft?* (21); *Guck hie, du Unvr-schämtr* (4);

в незаконченных предложениях и исправлениях предложений, напр.:

Ich bin jou n starkr Mann un brauch mich vour kaanr Frau ferchte, awr wie is mr halt ... Wie ich s Lisje vun weitm gmerkt hun, is mr doch s Herz in die Ferschte grutscht (19);

начальном положении изменяемой формы глагола в повествовательных предложениях:

Leje ich achzeh Kilometr zurick, komme hie uf den Basar un s is immer noch sackdunkel (24);

в вынесении за рамку второстепенных членов предложения: *wann'r fortgeht Karte spille* (28).

Диалектные морфологические и синтаксические признаки шванков российских немцев передают специфику диалектной речи. В первую очередь они проявляются в особенностях реализации грамматических категорий существительного, прилагательного, глагола и местоимения. В шванке представлены как разговорные черты современного немецкого языка, так и сохранив-

шиеся диалектные формы более ранних исторических этапов развития. В меньшей степени отражены в шванках особенности диалектного синтаксиса, он в основном сохраняет разговорные черты.

3.3. Разговорные и диалектные лексические и стилистические мааркеры

Наряду с диалектной фонетикой и грамматикой в шванке представлена и диалектная лексика. Лексические единицы, принадлежащие всей системе немецкого языка, отличающиеся в каждом говоре фонетическими особенностями, составляют основу словарного состава каждой группы говоров. Но в состав лексико-семантических систем островных говоров входят и лексические единицы, сфера применения которых ограничена исследуемыми говорами. В результате выравнивания многие отличительные признаки материнских диалектов, сохранявшиеся в говорах сел Поволжья, были устранены. В словарном составе этого говора сохранилось значительное число средненемецких, гессенских вариантов немецких слов. Так, в шванке Э. Гюнтера встречаются диалектно маркированные лексические единицы: *die Essigtippe* (28) вместо **Essigtopf*, *Gkrisch* (22) вместо **Geschrei*, *Wäs* (22) вместо **Tant*, *Samstaachouwend* (12) вместо **Sonouwendouwend*, *Stub* (20) вместо **Zimer*.

В лексико-семантические системы российско-немецких говоров входят слова, одно или несколько значений которых являются общими для литературного языка и для говоров, а другое значение обнаруживает отличительные особенности [18. С. 61]. Так, многозначное прилагательное *scharf* (15) имеет общенемецкое значение 'острый', в то время как в тексте шванка оно используется в значении 'быстрый (schnell)', характерном для диалекта.

Прилагательное *flink* (19), сохраняя значение 'проворный, ловкий', используется в тексте шванка также в диалектном значении 'быстрый (schnell)'.

Зафиксированы также случаи, когда лексические единицы, план выражения которых имеет свои соответствия в рассматриваемом говоре, выражают в литературном немецком языке одни понятия, а в говоре другие. Это объясняется тем, что одно из значений лексических единиц литературного языка развивалось в говорах как основное, а основное значение литературной лексики не нашло своего развития в говорах.

Глагол *laawe* (7) вместо **gehe* не употребляется в рассматриваемых диалектах в значении 'бегать (*laufen*)', сохранив значение 'ходить (*gehen*)'.

Прилагательное *sachtig* (15) 'легкий, медленный' сохраняет диалектное значение 'осторожный (*vorsichtig*)'.

Наблюдения над этим типом расхождений показывают, что диалектные лексико-семантические варианты многозначного слова, как правило, возникают на базе основного значения данного слова, являющегося общенемецким или, заимствуя основное значение из литературного немецкого языка, сохраняют значение, устаревшее и неупотребительное в настоящее время в современном литературном немецком языке.

Значительное число слов, имеющих в литературном немецком языке стилистически сниженную окраску, употребляются в рассматриваемых говорах как нейтральные слова, например: *Gkrisch* (22) вместо **Geschrei*, *eindusle* (15) вместо **einschlumre*.

Для текста шванка характерно преобладание лексем, которые выражают динамику и экспрессивность. В анализируемом тексте это, например, такие юмористические сравнения, как:

wie zwische Hund un Katz gange is (1), als wann tolle Hunde hinnr wäre (20), als wannse mich vrschlucke wollt (30), gschnorcht wie n Iltis (27),

метафоры:

dei Fränzje hot jou aach ka Essigtippe odr n Saitroug uf dr Schullr (28); ich hatt däs jou schun kapiert, wu dr Wind herweht (11), die Knoche erwärme (24);

выразительные фразеологизмы, которые содержат преувеличения и грубоватые просторечные выражения:

misst ich mich dumm un stumm stelle (11); kaa Aache zumache (13); is mr doch 's Herz in die Ferschte grutscht (19), was ich im Schild hun(10);

прямые заимствования и кальки из русского и украинского языков, широко распространенные в речи российских немцев [19. С. 230] и часто встречающиеся в шванках:

däs war four mich n Surpries (Überraschung) (13); bin ich schwidke (schnell) unnrm Bett rausgkrawelt (29); Na niuscheli sin ich den Katzesprung drei Stun glowe? (7), sin mr kwitt (29), aach 's Kumradschaftsgricht braucht sich mit uns net rumtreiwe (1), hot däs Spektakl angfange (2);

фамильярные до грубости разговорные выражения:

de Erzschuft (21), de Halunke (24), de Idiot (27), Krautkopp (4) при обозначении головы 'Kopf'.

Российско-немецкие говоры характеризуются значительным разнообразием их лексико-семантической системы, которая является составной частью единой языковой системы немецкого языка, но содержит множество лексических единиц, отличающихся от стандарта и локально ограниченных в своем употреблении. Эти особенности диалектной лексики находят отражение в шванках российских немцев.

4. Заключение

До настоящего времени шванк остается одной из самых популярных и любимых форм народного творчества российских немцев. Немецкие писатели в России, которые очень хорошо знакомы с народным творчеством и языком своего народа, стремятся при обработке народных шванков передать народную речь. Поэтому опубликованные шванки отражают типичные разговорные и диалектные особенности языка российских немцев на всех языковых уровнях, фонетическом, грамматическом и лексическом, которые передаются прежде всего в речи действующих лиц шванка. Речь рассказчика ориентирована в большей степени на литературный немецкий язык.

JETZ GEHT'S UHRJE RICHTIG (E. Günter)

Eine wahre nur etwas komisch gepfefferte Geschichte aus dem Sowchos „Kargatski“, Gebiet Nowosibirsk

1. *Dass's bei uns grad wie zwische Hund un Katz gange is, darf mr net bhaup-te, aach 's Kumradschaftsgricht braucht sich mit uns net rumtreiwe. Awr manch-moul war das, ufrichtich gsaat, doch zimlich bunt.*

2. *Souoft ich vum Kartespill haamkomme bin, hot däs Spektakl angfange: «Wu biste wiedr die ganz heilich Nacht rumgtappt?»*

3. «Wuher die ganz Nacht? 's is doch noch Ouwnd.»
4. «In deim Krautkopp ises vlleicht noch Mittaach?! Guck hie, du Unvr-schämtr, dort hängtse, die Uhr!»
5. «Dou vrstehe ich awr, meinr Seel, nix, Lisje. Beim Tratrschmichl ises erscht elf, bei uns schun zwaa...»
6. «Dir peif ich uf den Tratrschmichl mitzamst dem seinr Uhr. Du host drhaam dei eign Uhr, die fremde gehe dich nix an!»
7. «Na niuscheli sin ich den Katzesprung drei Stun glowe?»
8. «Host vlleicht unnrweechs noch uf a annr Uhr gschilkst?»
9. «Du maanst wohl, die täte an dr Telegrapheposte hänge?»
10. «Stell dich net dummr wieste bist, du waaßt, was ich im Schild hun...»
11. ...Sou is mrsch noch manchn Ouwnd gange. Ich hatt das jou schun ka-piert, wu dr Wind herweht, awr vourleiwich misst ich mich dumm un stumm stelle, bis sich moul 'n passnde Gelegenheit bietet...
12. Aamoul, 's war Samstaachouwnd, saat mei Lisje: «Heit bleibste drhaam. Ich leje mich jetz gleich, un morchns um vier Uhr weckste mich, dass ich rechtzei-tich uf dr Basar komme. Dou, nimm dr a Buch un les, erschts vrschloufste net un zweitns werschte gscheitr».
13. Ja... das war four mich 'n Surpries – die ganz Nacht ka Aache zumache.
14. Wie's sou ungefähr halb zwelfe war, konnt ich's net meh aushalle, dr Kopp is mr fast vun dr Schullr gfall.
15. 'Wann ich armr Esel jetz eindusle, vrschloufe ich sou gwiss, wie ich dou sitze', hun ich gdenkt, 'dou werd die Welt zu klaa'. Paarmoul hun ich uf das Uhrje gguckt, bin sachtich hiegschliche ... Mit aam Wort: 's war Zeit.
16. «Scharf uf!» saat ich'm Lisje. «Ich hatt' bald vrspät, 's geht schun bissje uf finf».
17. Tripp-trapp – hatt'se ihre Basarsache zammegraumt, un Ufwiedrsehe!
18. ... Wie ich mich sou geche Mittaach scheen ausgschloufe hatt', hun ich mich ans Fenstr gsetzt un achtgewe – sie musst bald komme.
19. Ich bin jou 'n starkr Mann un brauch mich vour kaanr Fraa ferchte, awr wie is mr halt... Wie ich 's Lisje vun weitm gmerkt hun, is mr doch 's Herz in die Ferschte grutscht. Plötzlich hun ich mr vourgestellt, wie die uf mich lousgehe kennt un bin flink unnrsch grouße Bett gschluppt.
20. In die Stub is die grumplt komme, als wann tolle Hunde hinn'r wäre, un gleich hotse lousgfeiert:
21. «Wu istr, de Erzschuft? Dr Kopp misst'm heit runnrgtrete were!»
22. Uf däs Gkrisch is die Lutzwäs, unsr Nochbrschfraa, beigrennt komme.
23. «Was is'n gpassiert, Lisje?» hot die sich intrressiert.
24. «Jetz denkt eich moul, wie de nixnutziche Halunk mich btrouge hot! Leje ich achtzeh Kilometr zurick, komme hie uf den Basar, un 's is immr noch sack-dunkl. Gut noch, dass mich dr Nachtwächtr gmerkt hot un ich mr am Blechöffe die Knoche erwärme konnt.
25. Wie ich dem alte Mann vrzählt hun, ich war uf dr Basar komme, wollt'r sich kripplich lache. Er saat, sou vrrickte Mensche, die wu schun um drei Uhr nachts uf dr Basar komme, hatt'r in seim ganze Lewe noch net gsiehe. Dou bin ich erscht drhinnrkomme, warum ich um vier Uhr vun drhaam weggange sin un um drei schun dort war».

26. «Aw, wie is da's zu vrstehe, Lisje?» hot die Lutzwäs listich gfroucht.
27. «Ganz einfach. De Idiot hot die Uhr um a Stunnr viere vourgrickt, mich scharf fortgschustrt, selbst unnr die warm Deck un gschnorcht wie'n Iltis».
28. «Siehste, Lisje», saat die Lutzwäs, «dei Franzje hot jou aach ka Essichtip-pe odr 'n Saitroug uf dr Schullr sitze... Du maanst wohl, de hatt's noch net gmerkt, dass du die Uhr vourrickst, wann'r fortgeht Karte spille?»
29. Wie ich däs ghört hun, bin ich schwidke unnr'm Bett rausgkrawlt un saat: «Demnouch sin mr jetz kwitt, Lisje!»
30. Erscht hotse mich angguckt, als wannse mich vrschlucke wollt. Aber die Lutzwäs hot sou glacht, dass allmählich aach mei Lisje beistimme musst.
31. Vun dere Zeit an geht unsr Uhrje richtich.

Литература

1. *Lexer M.* Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch. Leipzig: S. Hirzel Verlag, 1965.
2. *Bausinger H.* Formen der „Volkspoesie“. Berlin: E. Schmidt, 1980.
3. *Jolles A.* Einfache Formen. Halle: M. Niemeyer, 1956.
4. *Strassner E.* Schwank. Stuttgart: Metzler, 1968.
5. *Ranke K.* Einfache Formen // Internationaler Kongreß der Volkserzählforschung in Kiel und Kopenhagen (1959). Vorträge und Referate. Berlin: de Gruyter, 1961. S. 1–11.
6. *Neumann S.* Volksprosa mit komischem Inhalt // *Fabula. Zeitschrift für Erzählforschung.* Berlin: de Gruyter. 9. Band. 1967. S. 137–148.
7. *Neumann S.* Schwank und Witz als Medien sozialer Aussage // *Volksleben und Volkskultur in Vergangenheit und Gegenwart: Befunde und Probleme im internationalen Bereich.* Bern; Berlin; Frankfurt a.M.; New York; Paris; Wien: Lang, 1993. S. 49–65.
8. *Vetter Gottlieb* liebt die Wahrheit. Schwänke. Alma-Ata: Kasachstan, 1988.
9. *Москалюк Л.И.* Место литературного немецкого языка в системе языковых форм немецкого национального меньшинства // *Вестн. С.-Петерб. гос. ун-та. Сер. 2.* 2003. Вып. 1. С. 47–52.
10. *Бахмутова И.А.* Лингвистические и социолингвистические особенности литературного немецкого языка российских немцев-мennonитов Омской области // *Вопр. языкознания.* 2012. № 3. С. 122–144.
11. *Günter E.* Gedichte und Schwänke. Alma-Ata: Kasachstan, 1988.
12. *Koch P., Oesterreicher W.* Gesprochene Sprache in der Romanik: Französisch, Italienisch, Spanisch. (Romanische Arbeitshefte 31). Tübingen: M. Niemeyer, 1990.
13. *Москалюк Л.И., Москалюк Г.С.* Современное состояние немецких говоров Поволжья на Алтае // *Вестн. С.-Петерб. гос. ун-та. Сер. 9.* 2014. Вып. 1. С. 187–203.
14. *Friebertshäuser H.* Das hessische Dialektbuch. München: Beck, 1987.
15. *Москалюк Л.И., Трубакина Н.В.* Лингвистический атлас немецких диалектов на Алтае. Ч. 2. Барнаул: АлтГПА, 2011.
16. *Жирмунский В.М.* Немецкая диалектология. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956.
17. *Смоля М.С.* Вариативность грамматических форм имени прилагательного в Михайловском островном немецком говоре // *Мир науки, культуры, образования.* Горно-Алтайск, 2011. № 1. С. 64–67.
18. *Москвина Т.Н.* Изучение диалектной лексики в русле исторической семантики // *Филология и человек.* Барнаул, 2010. № 3. С. 58–66.
19. *Вахрушева Н.А.* Фразеотематическое поле Ohr в верхненемецких говорах на Алтае // *Вестн. Челяб. гос. пед. ун-та.* 2008. № 4. С. 224–231.

REFLECTION OF FEATURES OF COLLOQUIAL SPEECH IN THE SHVANK OF RUSSIAN GERMANS

Tomsk State University Journal of Philology, 2016, 2 (40), 45–56. DOI: 10.17223/19986645/40/3

Moskalyuk Larisa I., Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation).

E-mail: l.moskalyuk@yandex.ru

Keywords: Russian Germans, shvank, colloquial speech, island German dialects.

One of the forms of preservation of the native language and culture of Russian Germans are works of folk art. Significant among the extant folk materials are shvanks of Russian Germans, which in the processed state were published by Russian-German writers. By the shvank German and Russian researchers mean a satirical story having a small volume. A characteristic feature of the shvank is its attribution to a "people" story with all its stylistic and structural features. German writers in Russia who are well familiar with the folk art and the language of their people seek to pass the national language in the processing of folk shvanks. The majority of authors who published shvanks, or their ancestors, were born and lived in the Volga region. They are fluent in the Volga German dialects spoken by the characters from their shvanks.

Shvanks transmit dialectal speech, replete with phonetic phenomena characteristic of spoken language. The main phonetic markers of conversational speech are assimilation, reduction and elision of reservation. At the same time, the graphical features of the transfer of spoken language in shvanks of Russian Germans reflect dialectal and phonetic features which allow identifying common features of German dialects of the Volga region, formed as a result of a long mixture. Their characteristic preserved the most common signs of West-Middle-German dialects with the Hessian base.

Dialectal morphological and syntactic features of Russian Germans' shvanks convey the specifics of dialectal speech. First of all, they are manifested in the peculiarities of the realization of grammatical categories of nouns, adjectives, verbs and pronouns. Shvanks present conversational features of the modern German language and preserve the dialect form of earlier historical stages of development. To a lesser extent shvanks reflect dialect syntax; it basically retains a colloquial character.

Along with dialect phonetics and grammar, shvanks present dialect vocabulary. Analysis of the texts showed that this dialect has preserved mostly West-Middle-German features. The vocabulary of this dialect has preserved a considerable number of Middle-German, Hessian variants of German words.

Published shvanks reflect typical conversational and dialectal peculiarities of the language of Russian Germans at all linguistic levels: phonetic, grammatical and lexical. These features are due to the oral nature of the existence of the national language, the isolation from the original language of the team and the long period of interaction with dialects of the Russian language, which led to the alignment of dialectal systems, the preservation of old forms, to a large number of borrowings from Russian.

References

1. Lexer, M. (1965) *Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch* [Middle High German Pocket Dictionary]. Leipzig: S. Hirzel Verlag.
2. Bausinger, H. (1980) *Formen der "Volkspoesie"* [Forms of "popular poetry"]. Berlin: E. Schmidt.
3. Jolles, A. (1956) *Einfache Formen* [Simple forms]. Halle: M. Niemeyer.
4. Strassner, E. (1968) *Schwank* [Shvank]. Stuttgart: Metzler.
5. Ranke, K. (1961) *Einfache Formen* [Simple forms]. *Internationaler Kongreß der Völkserzählforschung in Kiel und Kopenhagen (1959). Vorträge und Referate* [International Congress of folk narrative researchers in Kiel and Copenhagen (1959). Lectures and presentations]. Berlin: de Gruyter. pp. 1–11.
6. Neumann, S. (1967) *Volksprosa mit komischem Inhalt* [People's prose with comic content]. *Fabula*. 9. pp. 137–148.
7. Neumann, S. (1993) *Schwank und Witz als Medien sozialer Aussage* [Schwank and wit as media social statement]. In: *Volksleben und Volkskultur in Vergangenheit und Gegenwart: Befunde und Probleme im internationalen Bereich* [Folk life and folk culture in the past and present findings and problems in the international arena]. Bern/Berlin/Frankfurt a.M./New York/Paris/ Wien: Lang.
8. Kasachstan. (1988) *Vetter Gottlieb liebt die Wahrheit* [Cousin Gottlieb loves truth. Shvanks]. Schwänke. Alma-Ata: Kasachstan.
9. Moskalyuk, L.I. (2003) Mesto literaturnogo nemetskogo yazyka v sisteme yazykovykh form nemetskogo natsional'nogo men'shinstva [Place of the literary German language in the system of linguistic forms of the German national minority]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2 – Vestnik of St. Petersburg State University. Series 2. History*. 1. pp. 47–52
10. Bakhmutova, I.A. (2012) *Lingvisticheskie i sotsiolingvisticheskie osobennosti literaturnogo nemetskogo yazyka rossiyskikh nemtsev-mennonitov Omskoy oblasti* [Linguistic and sociolinguistic

features of the literary German of Russian German-Mennonites of Omsk Oblast]. *Voprosy yazykoznaniya*. 3. pp. 122–144.

11. Günter, E. (1988) *Gedichte und Schwänke* [Poems and shvanks]. Alma-Ata: Kasachstan.

12. Koch, P. & Oesterreicher, W. (1990) *Gesprochene Sprache in der Romanik: Französisch, Italienisch, Spanisch. (Romanische Arbeitshefte 31)* [Spoken language in the Romanesque: French, Italian, Spanish. (Romanesque workbooks 31)]. Tübingen: M. Niemeyer.

13. Moskalyuk, L.I. & Moskalyuk, G.S. (2014) Modern state of the Volga Germans' dialects in the Altai region. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 9 – Vestnik of St. Petersburg State University. Series 9. Philology, Asian Studies, Journalism*. 1. pp. 187–203. (In Russian).

14. Friebertshäuser, H. (1987) *Das hessische Dialektbuch* [The Hessian dialect book]. München: Beck.

15. Moskalyuk, L.I. & Trubavina, N.V. (2011) *Lingvisticheskiy atlas nemetskikh dialektov na Altae* [Linguistic Atlas of German dialects in the Altai]. Pt. 2. Barnaul: Altai State Pedagogical Academy.

16. Zhirmunskiy, V.M. (1956) *Nemetskaya dialektologiya* [German dialectology]. Moscow; Leningrad: USSR AS.

17. Smolya, M.S. (2011) Variativnost' grammaticeskikh form imeni prilagatel'nogo v Mikhaylovskom ostrovnom nemetskom govore [Variability of grammatical forms of the adjective in the Mikhailovo island German dialect]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – The world of science, culture and education*. 1. pp. 64–67.

18. Moskvina, T.N. (2010) Izuchenie dialektnoy leksiki v rusle istoricheskoy semantiki [The study of dialect vocabulary in line with the historical semantics]. *Filologiya i chelovek – The Philology and a Person Academic Journal*. 3. pp. 58–66.

19. Vakhrusheva, N.A. (2008) Frazеotematiceskoe pole Ohr v verkhnenemetskikh govorakh na Altae [Phraseological and thematic field Ohr in the High German dialects of the Alta]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University*. 4. pp. 224–231.